

В десятку!

10

542

Сидя в конце 70-х в одной из пражских гостиниц, Микеланджело Антониони судорожно накручивал телефонный диск в надежде рано или поздно, но дозвониться до Литвы. Наконец сквозь шум и треск он услышал голос Юозаса Будрайтиса, который, отвечая на предложение приехать и сняться в картине «Профессия репортер», сказал буквально следующее: «Не я решаю, ехать мне или не ехать». Антониони написал в Госкино, но ответа на него так и не получил...

Все это выяснилось лишь через несколько лет, когда им все же удалось встретиться в Москве. А спустя еще какое-то время кто-то подарил Будрайтису чешский журнал, где Антониони объяснял свой интерес к нему так: он специально приехал в Прагу посмотреть один из фильмов с этим актером, дабы увидеть Будрайтиса, которого знал только по фото, потому что не представлял себе никакого другого партнера для уже утвержденной Доминик Санда. Как известно, Будрайтиса в этом фильме заменил Джеком Николсоном. Когда я увидел Будрайтиса на одном из московских кинофестивалей, то больше всего был поражен удивительной притягательностью этого человека, сочетающейся со спокойствием настоящего философа. И потому был здорово шокирован, узнав, как он начинал свою жизнь — с полного «отрыва» и анархии... Его даже выгоняли из школы.

— За что же, «ученик» Будрайтис?
— Меня стали заставлять волосы

— Я вспыльчивый, но долго зла не держу. А разозлиться я могу на несправедливость...
— Вы можете кричать, ногами топтать?
— Нет, ну что вы, ногами топтать, это истерика. Я просто более решительным становлюсь, проявляю больше силы.
— А в армии драться приходилось?
— Приходилось. Мы там с ремнями шли друг на друга, шапки завязывали и группировками бились. Было не до сантиментов. Но я не страдал. И потом, я в армии среднюю школу закончил.
— В армии школа была? Это какой же год был?
— 62-й. Я художником служил и нарисовал в ленкомнатах такое количество Лениных, что мог это делать не глядя. И меня за старательность решили поощрить и сказали: иди учись.
— Юозас, на советском экране вы были одним из красавчиков...
— Что? Из красавчиков?!
— Конечно. Случались у вас в жизни «производственные» романы? Вас же наверняка дамочки откровенно клеили или нет?
— Некоторые женщины действительно проявляли желание общаться. Бы-

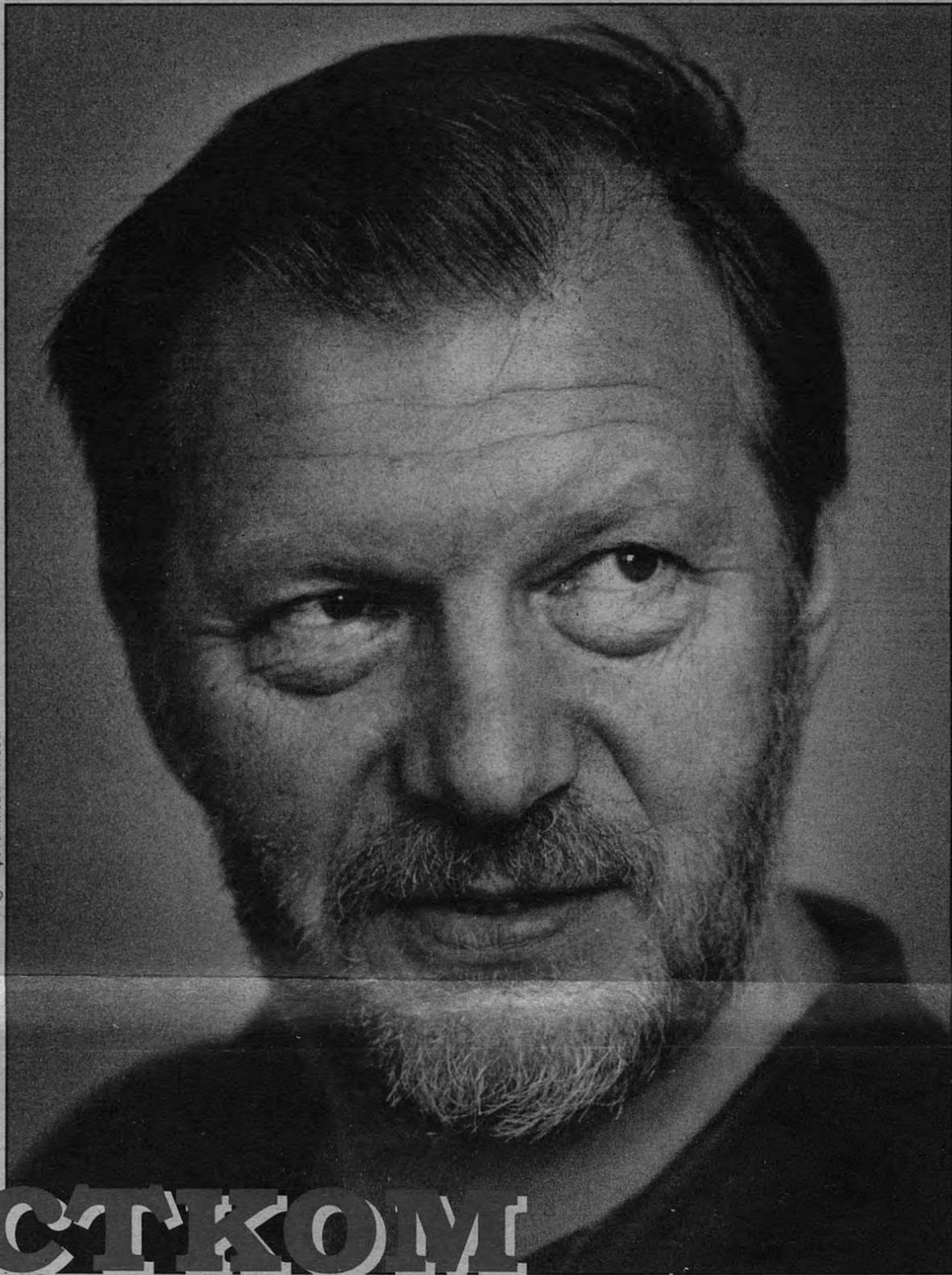

фото Якова Титова

Юозас

Будрайтис:

«Подростком я воровал кур»

стричь. Я не стригся. А как-то пришел директор, ножницы схватил, я — в окно. Убежал. И мой друг — в знак солидарности — тоже. Недалеко был лес, в котором мы отыскали шалаш. Там и жили. Питались курами: мы их воровали на ферме.
— Конечно же вас поймали?
— Да, довольно быстро. И из школы выгнали — никто не хотел с нами заниматься. Я решил идти работать. В общество слепых. Мы там ящики делали.
— Вы тогда ни о чем не думали? Знали, что в армию заберут, и не суетились?
— Да я вообще никогда не суетился! Что должно прийти, то придет, зачем суетиться? Когда мне нужны были краски для рисования, я искал объявления, где приглашали копаться ямы для гашения извести. Так я и часы купил. А ямы были большие — три на четыре, попробуй выкопай!
— Вы хотели быть художником?
— Не скажу, что сильно хотел, но я мазокал довольно много.
— Вы выглядите человеком melancholicным и очень спокойным, такое впечатление, что вы рассказываете о ком-то другом.
— Может, создается такое впечатление, что я melancholicный, но в театре я работал противоположно своим киноролям — там часто бывало все на остром и горячем темпераменте.
— А что в жизни вас может разозлить или вывести из себя?

вали и агрессивные, письма писали, случалось, что приезжали с багажом жить вместе...
— Но вы же женаты?
— Все равно приезжали — давай выгоняй жену, будем жить вместе. В любви признавались в открытках, письма присылали с фотографиями.
— Вы храните эти письма?
— Нет, в музей отдаю. Музей театра, кино и музыки...
— А какая из ваших ролей вам наиболее близка?
— Меня очень греет роль у Нахепетова «С тобой и без тебя». Ну еще, может быть, у Прошкина в «Опасном возрасте»...
— А как же ваша первая и главная картина — «Никто не хотел умирать»? Ей, вы говорили, уже тридцать лет исполнилось?
— Ну там я не осознавал, что делаю. Картина мне нравилась, нравилась рабочая атмосфера, но как делать роль, я тогда еще не знал, выполнял то, что мне говорили. Эта роль была для меня самоучительством.
— Самой уважаемой исторической личностью вы назвали Мартина Лютера. Но ведь вы католик, а Лютер — протестант.
— Он меня привлекает своей смелостью и честностью. Конечно, сейчас можно быть смелым, прыгать с парашютом, идти с голыми руками против преступников, улететь в космос, но у Лютера это была смелость вообще другого порядка. Он знал,

что тогда делали с инакомыслящими. Но он хотел реформировать то, что, как ему казалось, обросло уже всевозможными мхами и извращениями. Он искал прямого разговора с Богом, без посредников. Меня это очень привлекает.
— А в Литве сейчас стало жить лучше, чем в СССР?
— Я не могу говорить, лучше или хуже. Раньше было что-то хорошее, и до сих пор что-то осталось. Но людям моего поколения приходится тяжело. Вот так, вдруг, перевернуться в другую формацию...
— А вы идеологически согласны с «Никто не хотел умирать»? Это ведь была идеологическая картина.
— Я не вижу в ней одностороннего взгляда. Режиссер там дает возможность поразмышлять о разном. Там был человек, его играл Норейка, который занимал ясную позицию партизанской борьбы. Он одевался в красивый офицерский мундир литовской армии и, когда его убили, умирает, не кривляясь от физических страданий, а как герой. С чистым лицом он говорил: «Не знаешь, как больно». Я это воспринимал многозначительно, предполагал, что ему больно за то, что Литва умирает. Иначе зачем режиссеру надо было его так красиво одеть и так красиво умертвить? А в другой сцене, когда шел разговор героя Бруно Оя с секретарем парторганизации, они стояли под литовским гербом, который

был повешен наискось! И убейте меня на месте, если Жалакявичюс тогда не размышлял по этому поводу. Он не делал идеологически однозначной картины, он делал фильм емкий и очень многозначный.
— Вот ведь как все выходит... Если бы не было Жалакявичюса, если бы не было картины «Никто не хотел умирать», то были бы вы юристом, наверняка — адвокатом, жили бы сейчас очень хорошо. Вы не жалеете, что связались с искусством?
— Нет, я совсем не жалею, я даже благодарен Жалакявичюсу, что он меня как бы свел с пути истинного.
— А вы не считаете, что он был для вас бесом-искусителем?
— Думаю, что не без этого.
— А почему ваша учеба на Высших режиссерских курсах не имела продолжения?
— Денег не хватило. А то, что я дальше ничего не стал делать, то, видимо, я мог без этого жить, правильно?
— То есть вы режиссурой не горели?
— Мечтал, хотел, но чтобы это оказалось моей сущностью, такого не произошло.
— Скажите, а вы сейчас ни о чем не жалеете? Был Союз, были миллионы зрителей, была заслуженная слава... Вы не считаете, что потери слишком велики?
— Ну, видите ли, никто не мог знать, как бы было по-другому. Может, было бы лучше, может, я сегодня был бы в Голливуде?!

— А вы не хотели в те времена уехать?
— Вообще куда-нибудь уехать желания не было. А вот теперь у меня иногда возникает мысль в Москву перебраться — именно теперь. Как человек кино, в Литве я не вижу перспективы для себя. А в Москве я мог бы еще найти себе какое-то применение, более широкое, чем в Вильнюсе: как актер я не считаю себя списанным — мужчина и в девяносто лет может сниматься. Смотрите, американские звезды Клинт Иствуд, Роберт Редфорд, Пол Ньюмен — все они старше меня. Так что об этом размышляю, но опять-таки гражданство менять я не собираюсь, а если бы мне дали в Москве вид на жительство, если бы предложили что-то долгосрочное... Но так я сделал бы и в случае, если подобное предложение поступит и из Сенегала, например...

Виталий КНЯЗЕВ.

P.S. Когда материал готовился к печати, мечта Будрайтиса о Москве все же сбылась: он стал атташе по культуре посольства Литвы в России.

Будрайтис Юозас Станиславович, бывший советский, а ныне — литовский актер. Родился 6 октября 1940 года в г. Кельме. После демобилизации из армии поступил на юридический факультет Вильнюсского университета. Окончил его, но стал профессиональным актером. Окончил Высшие режиссерские курсы при Госкино СССР. С 1979 года — актер в Каунасском драматическом театре. С 1982 года — народный артист Литовской ССР. С 1989 года — председатель Союза театральных деятелей Литвы. Снялся в трех десятках фильмов.